

РЕФОРМА ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО И ДОГОВОРНОГО ПРАВА

• десять лет спустя •

Составители и ответственные редакторы
А.А. Павлов, Т.А. Саргсян

УДК 347.4
ББК 67.404.2
Р45

Р45 Реформа обязательственного и договорного права : десять лет спустя / сост. и отв. ред. А. А. Павлов, Т. А. Саргсян. — Москва : Статут, 2025. — 702 с.

ISBN 978-5-8354-2104-6 (в пер.)

Настоящий сборник научных трудов посвящен десятилетию реформы обязательственного и договорного права 2015 г., благодаря которой подверглись серьезной модернизации традиционные институты, а также появились новые правовые решения и конструкции, прежде не известные российскому законодательству. На страницах сборника авторы — участники проекта «Петербургская цивилистика» исследуют успешность и целесообразность тех решений, которые были реализованы в рамках реформы 2015 г., прежде всего через призму их понимания и применения российскими судами. Кроме того, новеллы, появившиеся в отечественном позитивном праве в результате реформы, препарируются авторами с позиций исторического, компаративного и политико-правового анализа.

Издание предназначено для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, практикующих юристов, а также всех интересующихся частным правом.

УДК 347.4
ББК 67.404.2

ISBN 978-5-8354-2104-6

© Коллектив авторов, 2025
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Петербургская цивилистика» являет собой неформальный научно-аналитический проект, призванный объединить людей, живо интересующихся вопросами частного права. Его основой выступает кружок гражданского права СПбГУ, в рамках которого вот уже много лет мы с талантливыми и заинтересованными молодыми коллегами обсуждаем различные частнопрововые проблемы.

Именно кружок гражданского права и объединяет всех авторов настоящего сборника. Некоторые из них, являясь студентами бакалавриата или магистратуры, до настоящего времени принимают активное участие в текущей деятельности кружка, другие же, окончив обучение и реализуя себя в различных областях научной и практической деятельности, сохраняют кружок в своем сердце, с теплотой и благодарностью вспоминая наши интересные обсуждения и жаркие дискуссии.

В недрах кружка и зародилась идея настоящего сборника. Еще в 2019 г. в ходе общения после одного из заседаний было высказано предложение о реализации такого проекта. В то время мы уже имели подобный опыт, правда, несколько меньшего порядка, — наши коллеги, активные участники кружка, регулярно публиковали в ведущих юридических журналах статьи, посвященные обзорам практики применения судами отдельных норм, появившихся в результате реформирования гражданского законодательства¹. Поскольку этот опыт показался нам

¹ И продолжают публиковать до настоящего времени. См., например: *Дорошенко Л.А.* Обзор практики применения судами новой редакции п. 3 ст. 328 ГК РФ // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 5. С. 187—203; *Ноздрачева А.Ю.* Обзор судебной практики по вопросам, связанным со снижением судами платы за отказ от договора // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 9. С. 183—199; *Папилин И.И., До М.Ю.* Обзор судебной практики применения новых норм ГК РФ об опционе, опционном договоре и абонентском договоре // Вестник экономического правосудия. 2018. № 12. С. 193—207; *Никулушкина А.С.* Принцип противопоставимости и п. 3 ст. 433 ГК РФ в практике арбитражных судов // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 5. С. 160—175; *Ноздрачева А.Ю.* Обзор судебной практики по вопросу соотношения института прощения долга со смежными правовыми конструкциями // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 7. С. 202—223; *Еремеева В.И., Ходасевич Л.С.* Анализ судебной практики по вопросу применения льготного семидневного срока исполнения обязательства (п. 2 ст. 314 ГК РФ) // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 12. С. 180—200; *Борейшо Д.В., Папилин И.И.* Обзор практики применения нормы ст. 434.1 ГК РФ // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 5. С. 178—203; *Автонова Е.Д.* Обзор судебной практики по вопросу недействительности торгов и договора, заключенного по их результатам (п. 2 ст. 449 ГК РФ) // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 6. С. 162—194; *Тебенёв И.К., Чуктурова Д.А.* Практика применения п. 5 ст. 450.1 ГК РФ о подтверж-

удачным, а задача — крайне интересной, нам захотелось масштабировать подобную деятельность¹, создав сборник, в котором в более развернутой форме и на большей исторической дистанции проследить итоги реформы обязательственного (договорного) права. К сожалению, тогда обстоятельства (в том числе начавшаяся пандемия) не позволили реализоваться нашим замыслам. Однако поскольку сама идея продолжала казаться нам перспективной, мы вернулись к ней вновь в связи со следующим, 10-летним юбилеем реформы. Сборник, который вы, дорогие читатели, держите в руках, является воплощением этой нашей идеи.

В июне 2025 г. исполняется 10 лет со дня вступления в силу Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»², в рамках которого была реализована масштабная реформа, значительно преобразившая отечественное позитивное право, посвященное обязательствам и договорам. Обоснование важности этой реформы не нуждается в подробном изложении. Благодаря ей в российском правовом порядке появились новые правовые решения и конструкции, прежде не известные нашему законодательству; одновременно подверглись серьезной модернизации и традиционные институты обязательственного (договорного) права. Эта реформа стала итогом экспоненциального развития, которое характеризует отечественное гражданское право в первые 15 лет XXI в. Однако поскольку мы надеемся, что речь лишь о промежуточном итоге, а само развитие гражданского права продолжается, кажется, что спустя 10 лет уже можно спокойно оценить уместность и обоснованность тех решений, которые были реализованы в рамках реформы 2015 г.

дении договора как основании для блокирования права на отказ от договора // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 5. С. 168–190; Тюшевская А.Ю., Бармин Е.В. Отказ от осуществления права (практика применения п. 6 и 7 ст. 450.1 ГК РФ) // Вестник экономического правосудия РФ. 2024. № 6. С. 178–196.

¹ При этом опыт успешной реализации серьезных крупных проектов у нас тоже уже имелся. См., например: Автонова Е.Д., Астапенко П.А., Борейшо Д.В., До М.Ю., Мальшаков А.А., Мырин В.А., Никулушкина А.С., Папилин И.И., Романова О.И., Ходасевич Л.С. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса РФ о заключении и толковании договора» // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 9. С. 68–118; № 10. С. 137–191; № 11. С. 71–125; Автонова Е.Д., Астапенко П.А., Борейшо Д.В., До М.Ю., Мальшаков А.А., Мырин В.А., Папилин И.И., Романова О.И., Скутин Г.А., Ходасевич Л.С. Комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии, утв. Президиумом ВС РФ 05.06.2019 // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 8. С. 103–146; № 9. С. 92–126.

² Далее — Закон № 42-ФЗ.

Кроме того, как известно, зачастую наши ожидания и реальность расходятся. Именно поэтому спустя 10 лет кажется важным проанализировать, как были реализованы задумки разработчиков реформы, как новые нормы и институты восприняла судебная практика.

В этой связи перед авторами настоящего сборника стояла достаточно сложная и амбициозная задача — исследовать результаты реформы обязательственного (договорного) права 2015 г., оценить успешность и целесообразность появившихся в результате нее новых норм и институтов, прежде всего с позиций их понимания и применения российскими судами.

Как следствие представленные в этом сборнике работы в рамках исследования точечных сюжетов отражают результаты реформы через призму правоприменительной практики. Однако авторы не ограничились лишь обзором судебной практики. Новеллы, появившиеся в отечественном позитивном праве в результате принятия Закона № 42-ФЗ, препарируются ими также с позиций исторического, компаративного и политико-правового анализа. Мы искренне надеемся, что избранный подход позволит максимально широкому кругу читателей почерпнуть что-то новое и полезное для своей профессиональной деятельности.

В завершение хотелось бы выразить благодарность всем авторам настоящего сборника. Мы рады, что когда-то познакомились и поддерживаем общение с такими талантливыми и целеустремленными цивилистами. Совместные обсуждения, работа с каждым из авторов значительно обогатили нас, позволили нам расширить собственные цивилистические горизонты, сделать еще более ярким и увлекательным путешествие в бесконечный мир частного права.

Наконец, от имени авторского коллектива и от себя лично мы выражаем огромную признательность Артему Георгиевичу Карапетову, который поддержал наш проект и всемерно помогал в его реализации.

Санкт-Петербург, 15 марта 2025 г.

*А.А. Павлов,
к.ю.н, доцент, научный руководитель кружка гражданского
права СПбГУ, научный руководитель магистерской
программы СПбГУ «Гражданское право; семейное право»;*

*Т.А. Саргсян,
магистрант СПбГУ,
староста кружка гражданского права (2022–2023)*

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ¹

Введение

История развития принципа добросовестности восходит к римскому праву (*bona fides*), и спустя его многовековое развитие можно с уверенностью сказать, что этому фундаментальному принципу подчинена вся правовая жизнь. Однако, несмотря на его бурное развитие в зарубежных правовых порядках на протяжении последнего столетия, отечественная правовая мысль не так давно начала доктринальный, политико-правовой и компаративный анализ принципа добросовестности. Нормативное закрепление принципа в современном правовом порядке было реализовано лишь в процессе реформирования гражданского законодательства РФ в 2013 г. А уже в 2015 г. законодатель повторил фундаментальность принципа добросовестности уже в сфере обязательственного права (п. 3 ст. 307 ГК РФ).

1. Зарубежные подходы к определению принципа добросовестности (сотрудничества)

Небезызвестным является тот факт, что именно в Германии принцип добросовестности (*Treu und Glauben*), закрепленный в § 242 Германского гражданского уложения (далее — ГГУ), получил наиболее широкую и комплексную разработку как на уровне доктрины, так и на уровне правоприменительной практики², даже несмотря на то, что непосредственным примером при кодификационных работах по соз-

¹ Авторы выражают благодарность А.А. Павлову за советы и замечания, которые помогли улучшить текст данной работы.

² Нам К.В. Развитие принципа добросовестности (*Treu und Glauben*). Современный этап. Внутренняя систематика // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 7. С. 84.

данию и принятию ГГУ явилось французское право, а именно ст. 1134 и 1135 Французского гражданского кодекса (далее — ФГК)¹. Ввиду того, что компаративный анализ хотя и является значимой частью настоящей работы, однако не основной, мы полагаем верным ограничиться лапидарным описанием иностранного, в том числе немецкого, регулирования вопросов, посвященных принципу добросовестности (сотрудничества).

Следуя указанной выше цели, рассмотрим принцип добросовестности в немецком правопорядке через призму тех функций, выполнению которых он посвящен². Ограничительная функция (*Kontrollfunktion*) сводится к тому, чтобы предостеречь участников гражданского оборота от различных видов недопустимого осуществления субъективных прав (например, от злоупотребления последними³). Несмотря на то что данная функция не получила явное отражение в § 242 ГГУ, она имеет устойчивое признание как на уровне доктрины, так и на уровне правоприменительной практики⁴. Корректирующая функция (*Korrekturfunktion*) является отражением теорий неприемлемости исполнения и отпадения основания сделки⁵. В рамках реформы обязательственного права в Германии 2001–2002 гг. сфера применения соответствующей функции была выделена из § 242 ГГУ, получив отдельное нормативное регулирование в § 275, 313, 314 ГГУ⁶. Разрешающая функция (*Ermächtigungsfunktion*) является основой наделения судей полномочием выносить решения по справедливости в каждом конкретном случае, не будучи связанными тем, что следует из буквального содержания закона или договора. Указанная функция также не имеет явного отражения в тексте § 242 ГГУ, однако была выработана доктриной и судебной практикой⁷. Наконец, дополняющая функция (*Ergänzungsfunk-*

¹ Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. [Электронное издание]. М.: М-Логос, 2023. С. 21.

² См.: *Jauerling O.* Bürgerliches Gesetzbuch. Kommentar. 12. Aufl. München. C.H. Beck, 2007. § 242. S. 177–180; *Erman.* Bürgerliches Gesetzbuch. Kommentar / Hrsg. von Prof. em. Dr. Dr. h.c. mult. Harm Peter Westermann, Prof. em. Dr. Barbara Grunewald, Rechtsanwalt Dr. Dr. h.c. Georg Maier-Reimer. 17. Aufl. Köln: Otto Schmidt, 2023. § 242. S. 808–809.

³ Нам К.В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика. С. 92.

⁴ *Schlechtriem P.* Schuldrecht. Allgemeiner Teil. 5. Aufl. Mohr Siebeck, 2003. S. 62–63.

⁵ *Looschelders D.* Schuldrecht. Allgemeiner Teil. 19. Aufl. Verlag Franz Vahlen, 2021. S. 40.

⁶ *Schlechtriem P.* Op. cit. S. 61.

⁷ Однако стоит отметить, что в немецкой литературе данная функция нередко подвергается критике. Указывается, что слишком абстрактное и всеобъемлющее приме-

tion), представляющая для нас наибольший интерес с точки зрения исследования принципа сотрудничества. Соответствующая функция является основным вариантом применения § 242 ГГУ¹ и наиболее широким с точки зрения области распространения действия². Для более детального раскрытия дополняющей функции принципа добросовестности необходимо обращение к двум нормативным положениям — § 241 и 242 ГГУ.

Из анализа нормы § 241 ГГУ следует, что содержание обязательств может быть представлено следующими категориями:

а) активные обязательства по предоставлению (*Leistungspflichten*)³, являющиеся возможной основной составляющей обязательственного правоотношения (предл. 1 ч. 1 § 241 ГГУ);

б) пассивные обязательства по бездействию, воздержанию от определенных действий (*Unterlassungspflichten*), также являющиеся возможной основной составляющей обязательственного правоотношения (предл. 2 ч. 1 § 241 ГГУ);

в) дополнительные охранительные обязательства (*Nebenpflichten*), не связанные с основным предоставлением (ч. 2 § 241 ГГУ).

Мы сконцентрируем внимание на первой и последней из приведенных категорий. Обязательства по предоставлению (*Leistungspflichten*) разделяются на основные (главные) обязательства по предоставлению (*Hauptleistungspflichten*) и дополнительные (вспомогательные) обязанности по предоставлению / связанные с предоставлением (*Nebenleistungspflichten*)⁴. Принцип добросовестности способствует более подробному изложению содержания индивидуальных обязательственных отношений путем конкретизации и уточнения основных обязательств по предоставлению, а также выступает основой, источ-

нение § 242 ГГУ может поставить под угрозу принцип приверженности судьи закону и, следовательно, правовую определенность (*Schlechtriem P. Op. cit. S. 56*).

¹ *Jauering O. Op. cit. S. 180*.

² Например, ограничительная (барьерная, контрольная) функция затрагивает лишь правообладателя и подвергает его эффективному контролю при осуществлении права. Дополняющая же функция расширяет круг обязанностей всех участников обязательственного правоотношения, не ограничиваясь одним лишь должником (см., например: *Brox H., Walker W.-D. Allgemeines Schuldrecht. 45. Aufl. C.H. Beck, 2021. S. 83*).

³ *Schlechtriem P., Schmidt-Kessel M. Op. cit. S. 88*.

⁴ См.: *Schur W. Leistung und Sorgfalt: Zugleich ein Beitrag zur Lehre von der Pflicht im Bürgerlichen Recht / Wolfgang Schur. Mohr Siebeck, 2001. S. 124–125; Zimmermann R., Whittaker S. Good Faith in European Contract Law. The Common Core of European Private Law. Cambridge, 2008. P. 24; Medicus D., Lorenz S. Schuldrecht I. Allgemeiner Teil. 22. Aufl. C.H. Beck, 2021. S. 44; Erman. Op. cit. S. 790, 792.*

ником для обоснования наличия дополнительных (вспомогательных), непосредственно связанных с предоставлением (*Leistung*), обязанностей¹. Отличительной чертой данной группы обязательств является то, что они непосредственно направлены на изменение имущественного положения контрагента².

Вспомогательные обязанности выполняют служебную функцию, предназначены для подготовки и надлежащего выполнения основного предоставления³. Добросовестность требует, чтобы тот, кто обещал осуществить предоставление, сделал все возможное для достижения соответствующего результата (достижения цели обязательства — его исполнения), а также воздерживался от поведения, которое могло бы поставить под угрозу достижение данной цели⁴.

Такие обязанности по общему правилу выводятся из требования добросовестности *ad hoc* (§ 242 ГГУ). В качестве примеров названных обязанностей в немецкой литературе указываются: необходимость предоставления товара продавцом в надлежащей упаковке, которая бы соответствовала конкретным обстоятельствам, в которых происходит исполнение договора купли-продажи⁵; проведение инструктажа от продавца в случаях, когда товаром выступают технически сложные товары; допуск сантехника в квартиру, чтобы он мог иметь непосредственный контакт с поврежденными сантехническими установками⁶. Фиксация отдельных вспомогательных обязанностей на уровне позитивного права также представляется возможной и допустимой: например, § 402 (обязанности информирования, снабжения документами), § 666 ГГУ (обязанности представлять сведения и отчет в договоре поручения)⁷.

Рассмотренные дополнительные (вспомогательные) обязанности, характеризующиеся связью с основным предоставлением, следует отличать от других обязанностей, также являющихся дополнительными в обязательственном правоотношении, однако не связанных непосредственно с основным исполнением⁸, которые именуются ох-

¹ *Jauering O.* Op. cit. S. 177.

² См.: *Medicus D., Lorenz S.* Op. cit. S. 44, 46; *Looschelders D.* Op. cit. S. 4.

³ *Medicus D., Lorenz S.* Op. cit. S. 45.

⁴ *Looschelders D.* Op. cit. S. 35.

⁵ *Medicus D., Lorenz S.* Op. cit. 45.

⁶ *Looschelders D.* Op. cit. S. 5.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Brox H., Walker W.-D.* Op. cit. S. 87.

ранительными (*Nebenpflichten*)¹. Свое нормативное закрепление охранительные обязанности получили относительно недавно — благодаря ранее упомянутой реформе долгового права 2001–2002 гг. — в ч. 2 § 241 ГГУ. До соответствующей реформы доктрина и судебная практика не испытывали никаких проблем, так как охранительные обязанности выводились из генеральной оговорки — § 242 ГГУ².

Отличительной особенностью охранительных обязанностей является их направленность на сохранение и защиту существующего имущественного положения контрагента, его прав и интересов³. В качестве примеров охранительных обязанностей обратимся к тем, которые являлись предметом судебного разбирательства: необходимость донесения врачом полной и исчерпывающей информации пациенту о всех последствиях проводимой процедуры оперативного вмешательства, в том числе о маловероятных негативных последствиях, простого же предупреждения о возможном «травмировании» недостаточно⁴; обязанность кредитора своевременно определить размер неустойки, уведомив об этом должника⁵; обязанность продавца уведомить покупателя о «негативном прошлом» продаваемой квартиры⁶; обязанность по осмотрительности, сопровождающая арендные отношения, касающаяся пользования арендованным имуществом⁷.

¹ Обозначенная терминология не является устойчивой. В литературе можно встретить и иное обозначение описанных обязанностей (например, *Schutzpflichten* — см.: *Schlechtriem P.* Op. cit. S. 69), однако, на наш взгляд, эти категории не подлежат смешению, а соотносятся между собой как род и вид, целое и часть: *Schutzpflichten* представляет собой охранительную обязанность в истинном смысле этого слова, происходит от слова *Schutz* — «защита, охрана», *Erhaltungspflichten* — обязанность по сохранению, *Aufklärungspflichten* — обязанность по информированию, разъяснению, обучению, *Obhutspflichten* — обязанность по осмотрительности.

² *Medicus D., Lorenz S.* Op. cit. S. 237–238.

³ *Larenz K.* Bemerkungen zur Haftung für «culpa in contrahendo» // *Festschrift für Kurt Ballerstedt*. Berlin, 1975. S. 397.

⁴ Дайджест новостей российского и зарубежного частного права / отв. ред. А.Г. Капапетов. М.-Лорос. 2012. № 2. С. 37. URL: [https://m-logos.ru/img/file/481813629_dajjest_novostei_chastnogo_prava_\(sentyabr_2012\)_\(1\).pdf](https://m-logos.ru/img/file/481813629_dajjest_novostei_chastnogo_prava_(sentyabr_2012)_(1).pdf).

⁵ Решения Федерального Верховного суда Германии по гражданским делам в 2022 г.: 76–112 / пер. С. Трушникова. М., 2022. С. 24–34.

⁶ Дайджест новостей частного права / отв. ред. А.Г. Капапетов. М.-Лорос. 2022. № 97. С. 58–59. URL: <https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2022/05/dajdzhest-novostej-chastnogo-prava-za-fevral-aprel-2022.pdf>. Дело примечательно тем, что в нем суд попытался сформулировать критерии определения объема (пределов) обязанности по информированию.

⁷ Решения Федерального Верховного суда Германии по гражданским делам в 2022 г.: 76–112 / пер. С. Трушникова. С. 64–70.

При разговоре о дополнительных обязанностях следует также осветить вопрос об их темпоральных пределах: стадия, предшествующая возникновению обязательства (преддоговорная), стадия существования основного обязательства, стадия после прекращения обязательства (посдоговорная). Данный вопрос решается дифференцированно применительно к преддоговорной и посдоговорной стадиям в зависимости от того, о какой дополнительной обязанности идет речь. Существование же указанных обязанностей в пределах основного обязательства не подлежит сомнению.

Как указывается в литературе, временные пределы существования вспомогательных обязанностей, ввиду того что они непосредственно связаны с основным обязательством по предоставлению, должны ограничиваться временными рамками существования основного обязательства¹. Однако, несмотря на логическую безупречность данного подхода (действительно, если указанные дополнительные обязанности связаны с основным предоставлением, то после его исполнения они также подлежат прекращению), некоторые ученые приходят к выводу, что в порядке исключения возможны ситуации, когда вспомогательные обязанности будут «переживать» основное предоставление (*culpa post contrahendum*)². Представители такого подхода в качестве основы для выведения соответствующих обязанностей используют § 242 ГГУ, аргументируя это тем, что вспомогательные обязанности не появляются после прекращения обязательственного правоотношения, а лишь достигают своего момента перфекции, зарождаясь еще в рамках существования основного обязательства. В научной литературе также указывается, что на преддоговорной стадии вспомогательные обязанности отсутствуют³. Однако наличие охранительных обязанностей признается как на преддоговорной

¹ *Jauering O.* Op. cit. S. 177.

² *Brox H., Walker W.-D.* Op. cit. S. 88. В качестве примера авторы указывают на обязанность врача (медицинского учреждения) предоставлять возможность своим бывшим клиентам ознакомиться с медицинскими записями (медицинской историей). Другие авторы приводят в качестве примера обязанность водителя автобуса обеспечить безопасность жизни и здоровья пассажира вплоть до момента, пока последний не покинул автобусную остановку (см.: *Erman.* Op. cit. S. 792).

³ К чему есть и нормативные предпосылки — ч. 2 § 311 ГГУ, посвященная вопросу *culpa in contrahendo*, содержит прямую отсылку к ч. 2 § 241 ГГУ, которая, как было указано ранее, регулирует охранительные обязанности (не связанные с основным предоставлением) (см.: *Schlechtriem P.* Op. cit. S. 59).

стадии (ч. 2 § 241, ч. 2 § 311 ГГУ)¹, так и после прекращения основного обязательства². В заключение отметим, что некоторые немецкие юристы являются сторонниками ограничительного и осторожного использования служебных (дополнительных) обязанностей³. Порой в немецкой литературе и вовсе раздаются голоса в пользу того, чтобы отвергнуть ряд дополнительных обязанностей⁴.

В последние десятилетия принцип добросовестности начал пробивать себе дорогу в том числе в странах общего права. Как известно, поначалу английское право довольно скептически относилось к идее о наличии у сторон обязательства определенных обязанностей, не предусмотренных договором, но вытекающих из доброй совести. Соответствующая идея поначалу была отвергнута и судебной практикой⁵. Однако нельзя не заметить, что по некоторым категориям дел английские суды крайне лояльно относятся к возложению дополнительных обязанностей на одну из сторон⁶. Серия

¹ См.: *Jauering O.* Op. cit. S. 177; *Brox H., Walker W.-D.* Op. cit. S. 88; *Looschelders D.* Op. cit. S. 61–67; *Medicus D., Lorenz S.* Op. cit. S. 47. В качестве примера можно привести решение суда, в котором женщина, войдя в торговый зал мебельного магазина, поскользнулась на валявшейся на полу грозди винограда (подробнее см.: Решения Федерального Верховного суда Германии по гражданским делам в 2022 г.: 113–145 / пер. С. Трушниковой. С. 189–194).

² *Jauering O.* Op. cit. S. 177.

³ Подробнее об этом см.: *Krebs P.* *Sonderverbindung und außerdeliktische Schutzpflichten.* München: C.H. Beck, 2000. S. 547; *Medicus D.* *Bürgerliches Recht: Eine nach Anspruchsgrundlagen geordnete Darstellung zur Examensvorbereitung / von Dieter Medicus.* 19. Aufl. München, 2002. S. 144 ff.

⁴ См.: *Krebs P.* Op. cit. S. 485–486, 547ff. Автор предлагает существенно снизить стандарт поведения, предъявляемый дополнительными обязанностями, в ситуациях, когда интересы сторон обязательства противоречат друг другу. Представляется, что это вполне разумный ограничитель, который необходимо учитывать при возложении дополнительной обязанности на одну из сторон.

⁵ См. прецедентные дела: *Chapman v. Honig* (1963. 2 QB 3 W.L.R. 19); *Walford v. Miles* (1992. 2 AC 128); *James Spencer & Co. Ltd v. Tame Valley Padding Co. Ltd* (1998. AC). Особенно отметим первое дело, в котором суд указал, что арендодатель может отказаться от договора аренды ввиду того, что арендатор дал показания против арендодателя в рамках спора с другим арендатором. При принятии решения суд не смутило то обстоятельство, что арендодатель отказался от договора, по сути, с целью навредить арендатору.

⁶ Наглядным примером может служить ситуация информационной асимметрии при заключении договора страхования имущества. Так, английские суды признают подлежащей раскрытию информацию о том, что страхователю ранее было отказано в заключении договора страхования другим страховщиком при заключении договора с новым страховщиком (см., например: *Container Transport International Inc. v. Oceanus*

дополнительных обязанностей может возникать в ситуации подразумеваемых договорных условий¹, а также в договорах, основанных на идее сотрудничества и длящегося характера². Впрочем, некоторые исследователи признают, что даже при частом внедрении требования сотрудничества сторон в различные договоры, а также при использовании принципа добросовестности при ведении переговоров английское право вряд ли может считаться принявшим концепцию доброй совести в полной мере³.

В настоящее время во многих континентально-европейских правовых порядках принцип добросовестности признается и закрепляется нормативно (например, Франция (ст. 1104, 1112, 1112-1, 1194 ФГК⁴), Австрия (§ 859, 914 ABGB), Италия (ст. 1175, 1337, 1375 ГК Италии⁵), Нидерланды (art. 6:2, 6:248 BW⁶), Швейцария (*abs. 1 art. 2 ZGB*), Турция

Mutual Underwriting Association (Bermuda) (1984. AC. EWCA Civ. J0202-1)). При заключении договора личного страхования суды признают значимой информацию о том, что застрахованное лицо ранее было объектом серьезных и правдоподобных обвинений в мошенничестве, хотя бы они и оказались ложными (см., например: *Brotherton v. Colsegueros* (2003. AC. EWCA Civ. 705); *North Star Shipping v. Sphere Drake* (2006. AC. EWCA Civ. 378)).

¹ См., например: *Dixon & Anor v. Blindley Heath Investments Ltd & Anor* (2015. AC. EWCA Civ. 102).

² Ярким примером выступают отношения строительного сектора, стороны которого активно включают в свои договоры оговорку о применении принципа сотрудничества (см., например: *Yam Seng Pte Ltd v. International Trade Corp. Ltd* (2013. EWHC 111 (QB)); *Bates v. Post Office Ltd* (2019. EWHC 606 (QB)).

³ Halberda J. The principle of good faith and fair dealing in English contract law // Правоведение. Т. 64. 2020. № 3. С. 317. На русском языке см.: Джексон Ш. Концепция добросовестности в английском праве: эволюция или революция? / пер. с англ. Е. Морозова и Т. Некрасова // Цивилистика. 2021. № 3. С. 249–250.

⁴ Во Франции принцип добросовестности относится лишь к договорным обязательствам. См.: Zimmermann R., Whittaker S. Op. cit. P. 675.

⁵ При этом отметим, что ГК Италии один из немногих, который устанавливает в качестве общего правила принцип корректности (солидаризма). Впрочем, некоторые авторы утверждают, что по содержанию этот принцип трудно отличить от принципа добросовестности (об этом подробнее см.: Тузов Д. О., Саргсян А. М. Общие положения об обязательствах Гражданского кодекса Италии: пер. и пост. ком. ст. 1173–1320 (часть 1) // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 1. С. 135–136 (комментарий к ст. 1175)).

⁶ Формально в ГК Нидерландов принцип добросовестности распространяется только на договорные правоотношения, однако в научной литературе отмечалось, что нет никаких препятствий для применения принципа добросовестности, например, в семейном или корпоративном праве (см.: Arthur S. Hartkamp. Judicial Discretion Under the New Civil Code of the Netherlands, 40 Am. J. Comp. L. 1992. P. 554–557).

(art. 2 ТСС¹), Португалия (art. 762 CC), Греция (art. 288 *Astikos Kodikas*), Япония (art. 1 CC²)).

Будучи признанным во всех современных европейских правовопорядках, принцип добросовестности также нашел свое закрепление в ряде наднациональных унификаций. Так, в ст. 1.7 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА подчеркивается, что каждая сторона обязана действовать в соответствии с добросовестностью и честной деловой практикой в международной торговле. Авторы комментария к Принципам УНИДРУА подчеркивают, что «стандарты деловой практики могут значительно варьироваться от одного торгового сектора к другому, и даже в рамках данного торгового сектора они могут быть более или менее строгими в зависимости от социально-экономических условий»³. Действительно, стандарт добросовестного поведения в каждом конкретном случае может меняться. Если в отношениях между профессиональными участниками оборота для оценки добросовестности обязанность по предоставлению информации может не иметь решающего значения, то в ситуации информационной асимметрии, в отношениях с участием потребителя, требования к стандарту добросовестности профессионала будут повышенными⁴. При этом

¹ Примечательно, что в 1926 г. в ходе рецепции Швейцарского гражданского кодекса (*ZGB*) в Турции принцип добросовестности был заимствован не изолированно и фрагментарно, а с учетом наработок швейцарской доктрины и судебной практики (об этом подробнее см.: *Yeşim M Atamer. Turkish Civil Code and the Turkish Code of Obligations*. URL: https://max-eup2012.mpipriv.de/index.php/Turkish_Civil_Code_and_the_Turkish_Code_of_Obligations).

² При анализе норм, возлагающих дополнительные обязанности из доброй совести, некоторые исследователи отмечали, что в Японии в случае пробела в правовом регулировании намного сложнее вывести правовое решение по доброй совести, нежели в Германии с помощью § 242 *BGB* (об этом подробнее см.: *von Stoll H. Zur neueren Entwicklung des japanischen Zivilrechts in rechtsvergleichender Sicht (Korreferat) // Die Japanisierung des westlichen Rechts: japanisch-deutsches Symposium in Tübingen vom 26. bis 28. 1998 / Hrsg. Von Helmut Coing. S. 156*).

³ См.: *Bonell M., ed. The UNIDROIT Principles in practice*. 2nd ed. Ardsley, 2006. P. 85.

⁴ Хотя некоторые исследователи обращают внимание, что зачастую отношения В2С носят стандартизированный и массовый характер, в связи с чем объем и перечень информационных обязанностей могут быть достаточно четко и исчерпывающе определены законодателем. Напротив, отношения В2В, как правило, предполагают заключение и исполнение договоров, заключаемых на индивидуальной основе, в связи с чем заранее определить и установить информационные обязанности не всегда возможно. В этой связи возникает определенный парадокс: в отношениях равных субъектов обязанности по информированию могут быть более обширными, нежели в отношениях неравных субъектов (об этом подробнее см.: *European Contract Law / ed. by Schulze R., Zoll F. C.H. Beck, Nomos, Hart. 2016. P. 147*).

датский компаративист *O. Lando* утверждал, что требование добросовестного поведения возведено в ранг фундаментального принципа, который охватывает все стадии договора¹.

Принцип добросовестности закреплен также в ст. 1:201 Принципов европейского договорного права (*PECL*)². Кроме того, ст. 1:202 *PECL* устанавливает принцип сотрудничества, обязывая каждую из сторон сотрудничать друг с другом в целях достижения цели договора. Авторы комментария к Принципам указывают, что в объем принципа сотрудничества входит также обязанность информирования другой стороны о наличии опасности причинения вреда личности или ее имуществу³. Также отмечается, что обязанность добросовестного поведения наличествует у стороны при заключении договора, а также при его реализации⁴.

В более общем виде принцип доброй совести отражен в ст. III.-1:103 *DCFR*, которая закрепляет обязанность добросовестного поведения при исполнении обязанностей, при осуществлении права на исполнение, при использовании мер защиты от нарушения, а также при осуществлении права на прекращение обязанности⁵. В официаль-

¹ Подробнее об этом см.: *Lando O.* L'avant-projet de réforme du droit des obligations et les Principes du droit européen du contrat: analyse de certaines différences. *Revue des contrats*, 2006. P. 167. Впрочем, следует признать, что эта точка зрения напрямую не следует из текста Принципов УНИДРУА и формально требование добросовестности должно быть ограничено этапом заключения договора и его исполнением, но никак не этапом после прекращения договора (об этом подробнее см.: *European Contract Law. Materials for a Common Frame of Reference: Terminology, Guiding Principles, Model Rules* / B. Fauvarque-Cosson, D. Mazeaud. München, 2008. P. 174; *Guo P.* Good Faith in Long-Term Relational Supply Contracts in the Context of Hardship from A Comparative Perspective. Springer Singapore. 2022. P. 95–96).

² «Each party must act in accordance with good faith and fair dealing. The parties may not exclude or limit this duty» («На стороны возлагается обязанность действовать добросовестно и учитывать взаимные интересы друг друга. Стороны не могут исключить или ограничить эту обязанность»).

³ *Bar von C., Zimmermann R.* Grundregeln des Europäischen Vertragsrechts. Teile I und II / Hrsg. von C. Bar, R. Zimmermann. Kommission für Europäisches Vertragsrecht. München, 2022. S. 118.

⁴ *European Contract Law. Materials for a Common Frame of Reference: Terminology, Guiding Principles, Model Rules.* P. 173.

⁵ Авторы комментария к *DCFR* отмечают, что конкретное применение принципа добросовестности заключается в том, чтобы помешать стороне, на заявление или поведение которой другая сторона разумно полагалась, занять противоречивую позицию (об этом подробнее см.: *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR)* / ed. by Ch. von Bar, E. Clive, et al. 2009. P. 90).

ном комментарии к *DCFR* признается, что обязанность действовать добросовестно возложена в равной мере как на кредитора, так и на должника¹. Обязанность действовать добросовестно при ведении переговоров о заключении договора закреплена в ст. II.-3:301 *DCFR*. При этом авторы комментария особенно отмечают, что в случае нарушения обязанностей из доброй совести (дополнительных обязанностей) потерпевшая сторона не может претендовать на возмещение позитивного интереса, ограничивая его только негативным интересом².

2. История вопроса в отечественном правопорядке

Отношение к принципу добросовестности в отечественной догматике неоднозначно. Некоторые исследователи принципиально отвергали допустимость такой общей, «каучуковой нормы», опасаясь широкого распространения судебного правотворчества³. Другие, напротив, считали, что наличие этого принципа оправданно и необходимо, поскольку он направлен на сдерживание личного эгоизма участников оборота, проявление внимания к чужим интересам в соответствии с нравственными воззрениями общества⁴. В этом споре важно подчеркнуть, что принцип добросовестности — это в первую очередь оценка поведения на предмет его соответствия некоему стандарту разумного и честного поведения «среднего» субъекта⁵. Соответствующая оценка дается правоприменителем *ad hoc* и *ex post*. А с учетом постоянных и скоротечных изменений, происходящих в социально-экономических реалиях, объективно возрастает потребность в правовом регулировании общественных отношений, поскольку закон с течением времени

¹ «...Добросовестность лежит в основе требования должника о том, что кредитор должен способствовать уменьшению или ограничению убытков... и предотвращению ущерба должника» (Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). P. 677).

² Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). P. 248.

³ Подробнее об этой проблеме см.: Покровский И.А. Справедливость, усмотрение судьи и судебная опека // Вестник гражданского права. СПб., 1899. № 10. С. 84.

⁴ См., например: Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 132; Егоров А.В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal Insight. 2013. № 2. С. 9.

⁵ См. авторскую аудиолекцию Р.С. Бевзенко «Принцип добросовестности в частном праве». URL: https://boosty.to/rbevzenko/posts/af91c7b2-bbd1-4c82-9a5b-a1e5bd92a158?share=ios_post_link.

может быть не способен предложить справедливое решение. В этой связи некоторые исследователи обосновывают важность и необходимость такой генеральной оговорки в виде доброй совести, которая предоставляла бы судье определенные правотворческие полномочия с целью адаптировать правовую норму к сложившимся отношениям¹. Так, налицо выполнение одной из ключевых функций добросовестности — восполняющей (интегративной). Добрая совесть необходима в том числе для восполнения пробелов в законе или договоре. Из сказанного следует, что правоприменитель должен разрешить дело даже при отсутствии подлежащей применению нормы права, выведя ее из принципа добросовестности.

В отечественном правопорядке принцип добросовестности на нормативном уровне впервые был закреплен в п. 4 ч. 1 ст. 1539 т. X Свода законов Российской империи, в котором устанавливалось, что в случае неясности при буквальном прочтении договора его необходимо толковать по намерению доброй совести. В ходе разработки Проекта Гражданского уложения Российской империи принцип добросовестности был конкретизирован и напрямую упоминался в ст. 1609: должник обязан исполнить свое обязательство добросовестно, согласно принятому в деловых отношениях порядку². На современном этапе развития отечественный законодатель в ходе разработки первой части ГК РФ 1994 г. не решился на нормативное закрепление принципа добросовестности, вероятно, ввиду отсутствия разработанной доктрины, а также сложившейся судебной практики по этому вопросу. Однако в ходе реформирования гражданского законодательства в 2013 г. принцип добросовестности получил нормативное закрепление в п. 4 ст. 1 и п. 5 ст. 10 ГК РФ. В 2015 г. отечественный законодатель подчеркнул фундаментальность указанного принципа в сфере обязательственного права, введя в ст. 307 ГК РФ п. 3.

По мнению большинства исследователей, положение п. 3 ст. 307 ГК РФ является частным случаем, эманацией принципа добросовестности, сформулированного в общих положениях гражданского

¹ См.: *Егоров А.В.* Указ. соч. С. 4; *Ширвиндт А. М.* Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева. М.: Статут, 2014. С. 221–222; *Дождев Д.В.* Принцип добросовестности в гражданском праве // *Принцип формального равенства и взаимное признание права* / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М., 2016. С. 150.

² Приводится по: *Гражданское уложение Российской империи*. Кн. 5: Обязательства / под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.Л. Саатчиан, 1910. С. 492.

законодательства¹. При этом условно данную норму можно разделить на два смысловых блока. Первый из них указывает на необходимость добросовестного поведения при установлении, исполнении и прекращении обязательства. Второй блок расширяет границы принципа добросовестности, выводя из него, по сути, другой правовой принцип – сотрудничества. Последний кристаллизуется в необходимость сторон уважать взаимные права и интересы, оказывать содействие и предоставлять друг другу информацию. В научной литературе такие обязанности получили название дополнительных (поведенческих или охранительных)². При этом отмечается, что указанные обязанности существуют на трех стадиях обязательства: при его установлении, исполнении и после его прекращения³. Примечательным является еще и то, что, несмотря на отказ советского законодателя от конкретного и недвусмысленного закрепления принципа добросовестности, принцип сотрудничества советскому праву был известен. Так, ч. 1 ст. 168 ГК РСФСР 1964 г. устанавливала, что «каждая из сторон должна исполнять свои обязанности наиболее экономичным для социалистического народного хозяйства образом и оказывать другой стороне всевозможное содействие в исполнении ею своих обязанностей».

В связи с тем, что норма п. 3 ст. 307 ГК РФ содержит два смысловых блока (добросовестность на трех стадиях существования обязательства, а также принцип сотрудничества), то последующее исследование вопроса содержания и нормативного закрепления принципа добросовестности и сотрудничества в обязательственном правоотношении целесообразно проводить, разделяя указанные смысловые части.

¹ См.: *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2016. С. 231–232; *Сарбаиш С.В.* Элементарная догматика обязательств. М., 2023. С. 24; *Нам К.В.* Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. С. 256.

² Впрочем, следует признать, что эта терминология не является устоявшейся. См.: *Исполнение и прекращение обязательств: постатейный комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации.* [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. С. 197 (автор комментария к п. 3 ст. 307 ГК РФ – *А.Г. Карапетов*); *Сарбаиш С.В.* Указ. соч. С. 29; *Нам К.В.* Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. С. 167.

³ *Нам К.В.* Дополнительные обязанности сторон в обязательстве (п. 3 ст. 307 ГК РФ) // *Хозяйство и право.* 2018. № 12. С. 117.

3. Принцип сотрудничества в обязательственном праве

Как известно, содержание обязательства составляет право требования кредитора, которому корреспондирует определенная обязанность должника¹. По своей правовой природе соответствующая обязанность является «обязанностью по предоставлению», собственно долгом должника². При этом некоторые исследователи отмечают, что в обязательственную связь между кредитором и должником входит также комплекс дополнительных (поведенческих) обязанностей, которые направлены на защиту доверия, уважения, внимательное отношение сторон друг к другу³.

Основанием возникновения таких дополнительных обязанностей является принцип сотрудничества, который предполагает, что стороны обязательства должны использовать принадлежащие им права и исполнять возложенные на них обязанности согласованно, учитывая взаимные интересы друг друга. При этом, как уже указывалось, принцип сотрудничества является составной частью принципа добросовестности⁴. Следовательно, рассмотрение таких обязанностей должно происходить в системе самого принципа добросовестности с учетом его функционала⁵. С этой точки зрения было бы верным считать, что сама добрая совесть возлагает на стороны обязательства обязанности по учету интересов друг друга. Некоторые исследователи отмечают, что обоснование наличия дополнительных обязанностей через принцип добросовестности позволяет восполнять пробелы

¹ См., например: *Анненков К.* Система русского гражданского права. Т. III: Права обязательственные. СПб., 1898. С. 1; *Шершеневич Г.Ф.* Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2017. С. 395; *Барон Ю.* Система римского гражданского права. Вып. 3. Кн. 4: Обязательственное право / пер. с нем. Л. Петражицкого. 3-е изд. СПб., 1910. С. 49–50.

² *Schlechtriem P., Schmidt-Kessel M.* Schuldrecht. Allgemeiner Teil. 6. Aufl. Mohr Siebeck, 2005. S. 88.

³ См., например: *Егоров А.В.* Структура обязательственного отношения: наработка германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. № 3. С. 250.

⁴ Подробнее об этом см.: *Панченко П.В.* Принцип содействия сторон обязательства в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 27–28.

⁵ См.: *Лугманов Р.Р.* Умолчание об обстоятельствах: критерии определения информации, подлежащей раскрытию // Законодательство. 2017. № 9. С. 49; *Нам К.В.* Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. С. 271.

в правовом регулировании отношений сторон¹. В этом смысле добрая совесть расширяет охват договорных правоотношений и вменяет сторонам повышенный стандарт обязанностей по учету прав и интересов друг друга.

Очевидно, что, вступая в обязательственное правоотношение, субъекты преследуют личные мотивы и цели. При этом важнейшей целью любого обязательственного правоотношения является надлежащее исполнение обязательства². С этой точки зрения сотрудничество и взаимодействие субъектов должны быть направлены именно на достижение этой цели. Однако неужели для признания поведения стороны, отвечающего стандарту добросовестности и сотрудничества, будет достаточно того факта, что должник исполнил возложенное на него обязательство с соблюдением лишь формальных требований закона или договора? Например, осуществление крупного платежа мелкими монетами, попытка оказания услуг в ночное время и последующая фиксация просрочки кредитора явно свидетельствуют о том, что поведение стороны хотя и не нарушает требования закона, но оно явно не соответствует стандарту разумной и честной деловой практики и принципу добросовестности³. Как кажется, принцип сотрудничества предполагает, что для признания поведения стороны добросовестным недостаточно лишь его формального соответствия договору. В связи с этим некоторые исследователи отмечают, что действия сторон вне рамок основных прав и обязанностей на всем протяжении их взаимодействия также должны быть направлены на достижение правовой цели, а не противоречить ей⁴. Другими словами, должник должен не только надлежащим образом осуществить задолженное предоставление, но и предпринять всевозможные меры для охраны и учета прав и интересов кредитора⁵.

¹ См., например, авторскую видеолекцию А.Г. Карапетова «Принцип добросовестности в договорном праве: пути практического применения при разрешении споров», организованную юридическим институтом «М-Логос». URL: <https://m-logos.ru/product/avtorskaya-videolekciya-artema-karapetova-princzip-dobrosovestnosti-v-dogovornom-prave-puti-prakticheskogo-primeneniya-pri-razreshenii-sporov/>.

² *Панченко П.В.* Указ. соч. С. 46–47.

³ Подробнее об этом см.: Исполнение и прекращение обязательств: постатейный комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации. [Электронное издание. Редакция 2.0]. С. 199–200 (автор комментария к п. 3 ст. 307 ГК РФ — А.Г. Карапетов).

⁴ См.: *Нам К.В.* Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. С. 167.

⁵ «При подготовке предоставления и его осуществления должник обязан применять такую тщательность и усердие, которые ему требуются, чтобы достигнуть цель